

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

Научные тенденции: Юриспруденция

Сборник научных трудов

**по материалам
VII международной научной конференции**

20 сентября 2017 г.

LJOURNAL.RU

Санкт-Петербург 2017

УДК 001.1
ББК 60

НЗ4

Научный диалог: Юриспруденция. Сборник научных трудов, по материалам VII международной научно-практической конференции 20 июня 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - 32с.

SPLN 001-000001-0181-JP
DOI 10.18411/spc-20-09-2017
IDSP 000001:spc-20-09-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на VII международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Юриспруденция**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0181-JP

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

Дирксен Т.В. Влияние конфуцианских и легистских учений на становление традиционной китайской правовой мысли	4
Карачева К.А. Прекращение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в связи с участием соответчиков.....	8
Кузнецов А.А. Убийство в присутствии близких как признак особой жестокости	11
Мичников А.А., Кориненко А.Н. К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел с Росгвардией в организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в период подготовки и проведения крупномасштабных международных спортивных мероприятий.....	14
Мичников А.А., Кузнецов Н.В. О совершенствовании совместной деятельности органов внутренних дел и казачества по предупреждению и пресечению правонарушений	17
Прудникова Л.Б., Мельникова А.С. Криминологическая оценка преступлений против военной службы в РФ (краткий обзор)	20
Пучкова В.В. Совершенствование конституционно - правового регулирования системы здравоохранения.....	24
Ускова А.С. О некоторых аспектах административно-правового регулирования исполнения органами внутренних дел государственных функций и предоставления государственных услуг.....	28

Дирксен Т.В.**Влияние конфуцианских и легистских учений на становление традиционной китайской правовой мысли***Новосибирский государственный Университет
(Новосибирск, Россия)*

doi:10.18411/spc-20-09-2017-01

idsp: 000001:spc-20-09-2017-01

Основные особенности, природа и характер китайского права представляют интерес в современной правовой науке. Процесс формирования китайского права является особенным, поскольку китайская правовая мысль весьма отличается от других правовых систем. С целью анализа отличительных черт китайского права необходимо рассмотреть процесс формирования китайской правовой мысли. Китай, отличаясь особой традиционностью, сохранил основные принципы, заложенные в древности, и в правовой культуре. По этой причине, чтобы понять характер китайской традиционной правовой мысли, необходимо рассмотреть основные этапы и особенности становления древнекитайского права.

На формирование древнекитайского права, прежде всего, оказала влияние этико-правовая концепция конфуцианства, консолидировавшаяся с легистским учением. Рассмотрим основополагающие предпосылки синтеза двух, на первый взгляд, противоположных школ. Период Чжаньго (воюющих царств) закончился в связи с объединением Китая под властью Цинь в 221 г. до н. э., однако правление династии Цинь было недолговременным. Наследник императора Цинь Шихуанди Эршихуанди не смог удержать власть в своих руках, так как был крайне непопулярен. В итоге Цинь пала под силой народного восстания в 206 г. до н. э. Как утверждает древнеханьский источник «Янь те лунь» («Дискуссии о соли и железе»), «Цинь с помощью военной силы поглотила Поднебесную, упразднив древние ритуалы, полагалась лишь на законы о жестоких наказаниях, поэтому династия Цинь потеряла Поднебесную»[1]. Долгое господство легистской идеологии, исключающей признание каких-либо других учений, привело к тому, что законы стали иметь деспотический характер. В ходе восстания к власти пришел ханьский правитель ЛюБан, провозгласив воцарение династии Хань. Народу необходимо было спокойствие, поэтому долгое время в Хань не существовало формально господствующей идеологии. В соответствии с древнеханьским источником «Ханьшу» ханьские правители, свергнув династия Цинь, смягчили законодательство, «отменив мелочные и жестокие циньские законы, и весь народ очень обрадовался этому»[2]. В ходе правления императора Вэнь-ди в 178 г. до н. э. был отменен суровый циньский наказ об истреблении трех поколений рода. Поэтому ханьские летописцы обоснованно отмечали, что Цинь вследствие применения лишь суровых методов регулирования общественных отношений пала под силой народного сопротивления. По этой причине ханьские сановники в соответствии с произведением «Хуайнань-цзы» делают вывод о том, что использование карательных норм совершенно недостаточно для укрепления государства и «изменения нравов народа»[3].

С другой стороны, одной из причин сближения конфуцианства и легизма можно считать ослабление морально-этического самосознания. Исследования особенностей формирования конфуцианской мысли показали, что морально-этические нормы должны соблюдаться благородными мужами («цзюньцзы»), а те, кто их не соблюдает, принадлежали к разряду простолюдинов («сяожень»). Однако внутреннее самосознание взаимозависимости социального статуса и этико-правового восприятия уже не

действовало. В соответствии с первым полностью дошедшим до нас кодексом «Танлюй шу» «наказания были введены, когда мораль резко ослабела и возникла необходимость в насильственно сдерживающих факторах»[4].

Анализируя процесс зарождения конфуцианства и легизма, мы пришли к выводу о том, что оба этих учения были направлены на централизацию власти и унификацию народного сознания. Думается целесообразным согласиться с мнением Рыбакова о том, что целью как конфуцианства, так и легизма было «введение функционирования социальных связей в упорядоченные, стандартные рамки». К тому же, как конфуцианская, так и легистская школа выступала за общественное равенство. Конфуций, будучи представителем слоя обедневшей аристократии, был сторонником равенства людей при получении должности. Легисты провозглашали равенство перед законом. Таким образом, определенная почва для сближений конфуцианства и легизма уже существовала. Признаки консолидации конфуцианской концепции с позицией школы легистов можно наблюдать в развитии конфуцианского учения периода, относящегося к времени деятельности известного представителя конфуцианства Сюнь-цзы (IV–III вв. до н. э.). Рыбаков объективно отмечает, что именно Сюнь-цзы «вывел конфуцианство из состояния бесплодного морализирования»[5]. Сюнь-цзы не считает, что человеку от рождения присущи знания морали. Он, подобно легистам, утверждает, что человек по своей природе эгоистичен и зол, и поэтому один ритуал не способен оказать на него должного воздействия. Поэтому конфуцианец Сюнь-цзы в своем трактате говорит как о «ли» (морально-этических нормах), так и о «фа» (законе)[6]. Стоит согласиться с Рыбаковым в том, что «понимание морально-этических норм «ли» у Сюнь-цзы приблизилось к пониманию закона («фа») у легистов». Именно такая концепция легистских законов, поставленных на службу морально-этическим нормам, являлась наиболее оптимальным соотношением для ханьской бюрократии, ставшей инициатором консолидации конфуцианства и легизма.

Бюрократии была необходима идеология, которая бы позволила обосновать её право на власть в государстве. Конфуцианская концепция «чжэн мин» («исправление имен») предусматривала закрепление определенного звания за конкретным лицом, что гарантировало предоставление соответствующих прав этому лицу. А легистская доктрина в свою очередь провозглашала равенство всех перед законом, в том числе и бюрократического аппарата, что ущемляло права чиновников. Следовательно, тезис о том, что именно бюрократия была основным инициатором сближения легизма с конфуцианством, можно считать обоснованным. Однако не только бюрократическому аппарату, но и самому монарху было выгодно провозглашение конфуцианской идеологии, предусматривающей проявление абсолютной покорности по отношению к «сыну Неба» (правителю). К тому же, строгое соблюдение иерархии, отражающейся в конфуцианской концепции «исправление имен», было нужно правителю единой империи.

Таким образом, в 130 г. до н. э. император У-ди провозгласил конфуцианство официальной идеологией Ханьской империи. Конфуцианский благородный муж («цзюньцзы») трансформировался в государственного сановника. По мнению Рубина, произошло превращение «рыцаря человечности в обычного чиновника». По этой причине нельзя не согласиться с тем же Рубиным в том, что «императорское конфуцианство, связанное преемственностью с некоторыми положениями раннего конфуцианства, резко противоречит другим его положениям, так как значительную роль в формировании официальной идеологии сыграл и легизм»[7]. Ученый-синолог Рыбаков обоснованно отмечает, что в ходе многовековой полемики как конфуцианцы,

так и легисты выдвигали разумные положения, доказывающие, что правы представители обоих учений. По этой причине «надежное управление государством возможно лишь при синтетическом балансировании между этими противоположностями». Следовательно, необходимо использовать как морально-этическую концепцию конфуцианства, так и политико-правовую концепцию легизма. Известный конфуцианец ханьского периода Лю Сян утверждал, что «моральное воздействие – это средство управления. Наказания и законы помогают управлению». Как отмечает Переломов, во время правления династии Хань трудно было отличить представителя конфуцианства от легиста. По этой причине стоит отметить утверждение Переломова о том, что «борьба, длившаяся около 500 лет, закончилась в эпоху Хань слиянием двух школ в единое учение – ханьское конфуцианство, ставшее государственной идеологией Китая на 2 тысячи лет». Конфуцианство, воспринявшее положение легизма, получило название «ортодоксальное конфуцианство»[8].

Сближения конфуцианства и легизма осуществлялось на основе отказа от крайностей последнего. Ханьских юристов не устраивал легистский принцип установления суровых наказаний за мелкие преступления. Они считали, что установить принцип соответствия меры наказания тяжести преступления можно с помощью конфуцианской концепции. Трактат «Янь те Лунь» («Дискуссии о соли и железе»), относящийся к I в. до н. э., определенно точно высказывает эту мысль: «когда обряды процветают и музыка исправлена, то наказания, наносящие ненастоящие увечья, соответствуют преступлениям». Законодатель ханьского трактат «Чан Янь» Чжунчан Тун утверждает, что «за некоторые преступления наказание смертной казнью очень сурово, а жизнь человека не вернуть»[9]. Это обуславливало необходимость установления градации наказаний в зависимости от тяжести преступления. Кроме того, трактат «Чан Янь» определил необходимость «приведения в соответствие состав преступления и фактическое наказание»[9]. Ханьский юрист СюньЮэ в своем трактате «Шэньцзянь», провозгласив возможность «воспитывать добродетель и одновременно наказывать», отмечал, что «начинать воспитывать надо с простого, а начинать наказывать – с легкого». СюньЮэ делает вывод, что «бессмысленное воспитание портит нравы, жестокие наказания вредят народу – так благородный муж поступать не станет»[10]. Поэтому правитель, являясь воплощением конфуцианского благородного мужа «цзюньцзы», должен установить градацию наказаний в соответствии со степенью тяжести преступления.

Большой вклад в становление ортодоксального конфуцианства вложил ДунЧжуншу (187-120 гг. до н. э.). Он утверждал, что во время господства легистской идеологии (в период империи Цинь) на простой народ были возложены огромные налоговые сборы, и по этой причине народ бедствовал. Бедный народ не может исполнять все законы. В соответствии с ханьским трактатом «Янь те Лунь» «изнуренный народ не боится законов о наказаниях через увечье. Даже если усугубить их, увеличив число, это окажется бесполезным». Поэтому ДунЧжуншу призывал проявлять человеколюбие к народу. Влияние ортодоксального конфуцианства отразилось и на том, что государство стало считаться большой семьей, где правитель выступал в роли отца, по отношению к которому поданные должны были проявлять сыновнюю почтительность («сяо»). Поэтому конфуцианский принцип сыновней почтительности («сяо») был инкорпорирован в уголовное законодательство. Трактат «Луань хэн», относящийся к I в. н. э., весьма точно отражает мысль об интеграции семьи и государства: «мудрый правитель управляет государством так, как любящий отец управляет своей семьей»[11].

Легизм, в то время как конфуцианство было провозглашено официальной идеологией, продолжал оказывать влияние, в том числе, и на экономическую политику ханьского двора. В соответствии с «Дискуссиями о соли и железе» («Янь те лунь») в ходе полемики конфуцианцев и легистов все же была установлена государственная монополия на соль и железо в рамках легистской концепции укрепления императорской власти. Некоторые ученые-синологи утверждают, что провозглашение конфуцианства официальной идеологией «сопровождалось широким развитием образования и разработкой системы экзаменов» в рамках конфуцианской концепции просвещения. Несмотря на то, что идея введения экзаменов для получения определенного ранга принадлежала еще представителю легистов Шэнь Бухаю, именно в это время она стала активно применяться. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением Малявина, охарактеризовавшего период царствования династии Хань как «эпоха компромиссов»[12].

С точки зрения формационного подхода, представляется весьма убедительной позиция Сидихменова в том, что конфуцианство в его ортодоксальном виде «стало классической феодальной идеологией». Это обусловило оформление государства со всеми классическими признаками восточной деспотии, включающими сакрализацию императора, консолидацию всех ресурсов в его руках, создание развернутого бюрократического аппарата и подавление личности. По этой причине кажется весьма объективным утверждение Сидихменова о том, что «превратившись в идеологию класса феодалов, конфуцианство на протяжении многих веков служило моральным обоснованием дикой деспотии»[13].

Однако в синтезе этико-правовой концепции конфуцианства с позицией школы легистов существуют и определенно положительные черты. В Древнем Китае традиционно осуществлялось противопоставление закона морально-этическим ценностям. По мере консолидации конфуцианства и легизма происходил процесс сближения буквы закона со справедливостью, то есть процесс морализации права. Морально-этические нормы санкционировались уголовными наказаниями. В соответствии с кодексом «Танлюй ши вэнь» «ли правителей и музыка служат для предотвращения дурных деяний, а уголовные законы для контроля после того, как деяние было совершено».

Сближение легизма с конфуцианством Малявин характеризует как «признание исключительного значения символизма в человеческой практике». Консолидация конфуцианской этико-правовой концепции конфуцианства с легистским учением привело к появлению особой формы морали – морали-права и особой формы конфуцианства – ортодоксального конфуцианства. Конфуцианство в его ортодоксальном виде, по утверждению Рубина, просуществовало вплоть до 1911 года.

Обобщая предпосылки консолидации конфуцианства и легизма, можно сделать вывод о том, что этот процесс был выгоден как для правителя и бюрократического аппарата, так и для общества. Слияние конфуцианства и легизма, начавшись еще в период «воюющих царств» (Чжаньго), завершилось в эпоху правления династии Хань. Консолидация морально-этических норм «ли» с законом «фа» можно охарактеризовать как сближение системы законодательства с понятием справедливости. Именно моральный характер древнекитайского права отличает его от остальных правовых систем.

Влияние противоположной конфуцианской и легистской концепции на становление традиционной китайской правовой мысли составляет особенность древнекитайского права, основанного на тесном сближении законности и морали.

Представляется целесообразной возможность дальнейшего исследования отражения ортодоксального конфуцианства на становление современного китайского права.

1. Трактат «Янь те лунь»/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. С. 517-519.
2. Трактат «Хань шу» Бань Гу/ Хрестоматия по истории Древнего Востока. / Отв. Ред. М. А. Коростовцева/. М.: Высшая школа, 1980. С. 192-197.
3. Произведение «Хуайнань-цзы»/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. С. 515-516.
4. Кодекс династии Тан (Танлюй шу и)/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. С. 526-532.
5. Рыбаков В.М./ Китайская бюрократия периода Тан (618-907 гг.) по материалам исторических и юридических источников/ Санкт-Петербург: [б. и.], 2009. С. 43.
6. Трактат «Сюнь-цзы»/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. 750 с.
7. Рубин В. А./ Личность и власть в Древнем Китае/ М. : Вост. лит.,1999. 384 с.
8. Переломов Л. С./ Конфуцианство и легизм в политической истории Китая/ М.: Наука, 1981. С. 333
9. Трактат «Чан янь» Чжунчан Туна/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. С. 522-523.
10. Трактат «Шэньцзянь» СюньЮэ/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. С. 524-525.
11. Трактат «Лунь хэн» Ван Чуна/ Антология мировой правовой мысли. Т. I. /Отв.ред. Л.Р. Сикюйнен/. М.: Мысль, 1999. С. 520.
12. Малявин В. В./ Китайская цивилизация/ М. :Астрель: Дизайн. Информация. Картография, 2000. С. 631.
13. Сидихменов В.Я./ Китай: Страницы прошлого/ М.: Наука, 1987. С. 448.

Карачева К.А.

Прекращение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в связи с участием соответчиков

*ООО «Газпром межрегионгаз Ижевск»
(Ижевск, Россия)*

doi:10.18411/spc-20-09-2017-02

idsp: 000001:spc-20-09-2017-02

Актуальной проблемой является вопрос допустимости банкротства двух и более должников в качестве соответчиков. Так, практикующие юристы и авторы-теоретики предлагают совместное банкротство супругов, то есть процессуальное соучастие в деле о банкротстве граждан, являющихся супругами. В судебной практике нет единого подхода к сложившейся ситуации, поэтому можно встретить разные совершенно противоположные процессуальные пути решения сложившейся проблемы.

Действующим законодательством о банкротстве не предусмотрена процессуальная возможность рассмотрения дел о банкротстве в отношении двух и более должников, имеющих статус соответчиков, именно так аргументируют свою позицию суды[1]. Например, в Арбитражный суд города Москвы поступило заявление Тертышника Алексея Николаевича и Легас Марины Петровны о признании их несостоятельными (банкротами). Суд вынес Определение об отказе в принятии заявления о признании их несостоятельными (банкротами), мотивировав тем, что действующим законодательством о банкротстве не предусмотрена процессуальная возможность возбуждения дела о банкротстве в отношении двух и более должников, имеющих статус соответчиков[2]. В апелляционной инстанции Определение об отказе в принятии заявления устояло.

Проанализировав судебную практику можно выделить ещё ряд аргументов, блокирующих совместное банкротство супругов.

Научное издание

**Научный диалог:
Юриспруденция**

Сборник научных трудов, по материалам
VII международной научно-практической конференции
20 сентября 2017 г.

SPLN 001-000001-0181-JP

Подписано в печать 10.10.2017. Тираж 400 экз.
Формат. 60x84 1/16. Объем уч.-изд. л. 1.84
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович